

Ю. Галич

Остров Жасминов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Галич**
Остров Жасминов / Ю. Галич – М.: Книга по Требованию, 2017. – 212 с.

ISBN 978-5-519-18895-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1928 года
Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии издания 1928 года
(издательство "Издание М. Дидковского, Рига").

ISBN 978-5-519-18895-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРОЛОГЪ.

Необыкновенныя шанхайскія приключенія лейтенанта князя Ивана Язоновича Бектабекова изложены въ его романъ исповѣди «Китайскія Тѣни».

Въ нашемъ распоряженіи имѣется новая рукопись.

Князь не имѣлъ ввиду предавать ее гласности. Она была писана имъ безъ опредѣленнаго назначенія, въ минуты досуга, по привычкѣ переносить свои впечатлѣнія на бумагу.

Закончивъ рукопись, князь предполагалъ ее сжечь.

По его мнѣнію, интимная жизнь человѣка представляетъ интересъ лишь для ограниченаго круга людей, съ тонкою интуиціей, съ широко развитымъ чувствомъ психологическаго анализа и, ни въ коемъ случаѣ, не можетъ быть достояніемъ массъ.

Однако, попытка уничтоженія рукописи была временно предотвращена. Князь согласился дать намъ дневникъ на прочтеніе, съ обязательствомъ вернуть по первому требованію.

Получивъ рукопись обратно, князь предалъ ее огню.

Такимъ образомъ, настоящая повѣсть никогда не стала бы достояніемъ общества, если

бы, въ предвидѣніи возможности уничтоженія рукописи, мы не сняли съ нея своевременно копіи.

Въ настоящее время, эта копія размножена нами печатнымъ способомъ, въ нѣкоторомъ количествѣ экземпляровъ, какъ любопытный дневникъ достойнаго русскаго человѣка и какъ оригинальный документъ, свидѣтельствующій о брѣнности силъ человѣческихъ передъ неотвратимою волею Рока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Графъ Монтекристо», морское чудовище въ двадцать пять тысячъ регистровыхъ тоннъ, переноситъ меня въ Европу.

Могучій носъ плавно разсѣкаетъ волны Янтсе-Кянга — Великой Голубой Рѣки, которая, зародившись въ таинственныхъ склонахъ Кузнь-Луна и, пробѣжавъ пять тысячъ миль по необъятной китайской равнинѣ, разливается при впаденіи, на подобіе настоящаго моря.

Это одинъ изъ самыхъ обширныхъ водныхъ бассейновъ въ мірѣ, передъ которымъ даже Волга кажется незначительнымъ ручейкомъ . . .

Шанхай уже позади.

Но желтый китайскій драконъ еще глядитъ на меня раскобыми загадочными глазами, еще протягиваетъ въ догонку когтистыя лапы, еще обдаетъ меня своимъ смраднымъ, ядовитымъ дыханіемъ...

Сегодня первое сентября.

Я помѣчаю эти числа въ свой дневникъ, который буду вести до Марселя, вплоть до того момента, когда тяжелый якорь, загремѣвъ по палубѣ, не оборветъ цѣпь моихъ скитаній и не врынуеть къ французской землѣ.

Это будетъ тихая, вожделѣнная пристань.

„Ты помнишь. мечты сонныя, какъ въ пристаняхъ Лорена,
Вносилась въ туманности рѣчной голубинымъ,
Къ эфирной осіянности, гдѣ лунная Сирена
Качала сребролонныя, нѣмьющіе сны?..“

Я безконечно счастливъ порвать съ востокомъ, предать забвенію страницы шанхайскихъ дней и, рука объ руку съ Барбъ, начать новую жизнь...

Я лежу въ лонгпезѣ и погружаюсь въ воспоминанія.

О, какой это невѣроятный клубокъ!.. Какоѣ чудовищный, фантастическій, непостижимыя узоры!.. Черный и алый, бѣлый и золотой — всѣ краски и оттѣнки грандіозной палитры, перемѣшались здѣсь изумительнымъ образомъ!..

Все проходитъ передъ глазами, все мелькаетъ въ сознаніи, начиная съ того дня, когда я очутился впервые на мостовой Нанкинъ-Рода, кончая тѣмъ роковымъ часомъ, когда номеръ «Первоклассной русской гостиницы» на Бэбб лингъ-Родѣ едва не сталъ свидѣтелемъ моего послѣдняго вздоха.

Точно тѣни китайскаго волшебнаго фонаря, одна, за другой, плывутъ столь хорошо знакома мнѣ фигуры.

Мадамъ Анго и ея семь очаровательныхъ дочерей — миссъ Модъ, двѣ сестры — Долли и Полли, Кармень, Лія, Этель и бѣдная Алочка Королькова... Сердце терзается жалостью, и воспоминаніе о судьбѣ русской дѣвушки-бѣженки наполняетъ меня неизъяснимою горечью... Будь проклятъ режимъ, осудившій насъ на изгнаніе, уничтожившій тысячи овѣжикъ, чистыхъ, благоуханныхъ цвѣтовъ!..

На смѣну скользятъ новыя тѣни, красныя тѣни, вынесенныя на хребетъ революціонной волны... Редакторъ Семень Семеновичъ и глав-

бухъ Давидъ Абрамовичъ Соловейчикъ, гнусный царевубійца Малашкинъ краса и гордость режима, упокоенный моею рукой на днѣ Вангъ Пу... Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ!.. Укоровъ совѣсти я не испытываю... Да свершится пре допредѣленное Рокомъ!..

А вотъ, полковникъ Ростиславъ Лебединецъ бѣдный Юрикъ, рыцарь Печальнаго Образа, не выдержавшій тяжкаго искуса и павшій подъ молотомъ жизни... Мнѣ-ли поминать тебя несправедливымъ упрекомъ?.. Мнѣ-ли отягачать твою душу незаслуженнымъ обвиненіемъ?..

Наконецъ, этотъ странный старикъ, мосье Этьенъ Шабо, извлекшій меня изъ петли, въ которой я задыхался, для того, чтобы кинуть снова въ объятія Смерти...

Но мимо все это, мимо.

— Прощай, Китай!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Погода великолѣпна.

Тропическое солнце пылаетъ надъ самую головой. Его зной умѣряется бризомъ и ходомъ нашего корабля. Со всѣхъ сторонъ раскинулся безграничный просторъ Китайскаго моря, переливающегося жемчужною рябью, сверкающаго яркими полуденными огнями, на подобіе гигантской чаши, изъ червоннаго золота и сапфировъ...

Барбъ чувствуетъ себя превосходно.

Окруженная моими ласками и вниманіемъ пассажировъ, она проводитъ на палубѣ цѣлые дни. Все развлекаетъ ее и забавляетъ. Взоры мужчинъ останавливаются на ней съ восхищеніемъ.

Капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль, бѣлокурый гигантъ, съ громовой глоткой и алыми, какъ помидоръ, щеками, избороздившій весь земной шаръ морской волкъ, знатокъ вина и женщинъ различныхъ національностей, относится къ Барбъ съ покровительственной симпатіей.

Его помощники, въ особенности, второй лейтенантъ — мосье Оливье, ухаживаютъ за Барбъ съ свѣтскою галантностью парижанъ. Впрочемъ, всѣ пассажиры, молодые и старые, колониальные офицеры и коммерсанты изъ Сайгона и Пондичери, праздные англійскіе туристы и свиные короли изъ Чикаго, всѣ безъ

исключенія, расточаютъ Барбъ знаки поклоненія и восторга.

Только однѣ дамы лорнируютъ ее съ чувствомъ плохо скрываеваемой зависти.

Барбъ дурачится, какъ ребенокъ. Отстраняя домогательства слишкомъ пылкихъ поклонниковъ, Барбъ не лишаетъ себя прелестей безобиднаго флирта. Съ шаловливой улыбкой выслушиваетъ признанія, кидаетъ остроумныя реплики, ссорить соперниковъ между собой.

Я не ставлю препятствій этой игрѣ.

Чувства ревности я не испытываю. Я проникаюсь горделивымъ сознаниемъ, что моя невѣста является средоточіемъ помысловъ всѣхъ этихъ людей, готовыхъ кинуть къ ея ногамъ богатство, славу, можетъ быть, честь.

Но лишь я одинъ обладаю этой молодой и прекрасной, какъ божество, женщиной, избравшей меня, изъ тысячи многихъ, своимъ спутникомъ на всю жизнь...

Я не мѣшаю Барбъ веселиться и провожу досуги инымъ образомъ.

Прежде всего, веду свой дневникъ.

Нѣсколько часовъ въ день посвящаю спорту. Къ моимъ услугамъ обширный бассейнъ для плаванія, площадка для игры въ лаунъ-теннисъ, наконецъ—татерсаль, позволяющій дѣлать не только репризы широкою англійской рысью, но даже перемѣну ногъ на галопѣ.

Дважды въ день, по приглашенію капитана Дюмона, я захожу въ его каюту, въ которой мы куримъ сигары и ведемъ дружескую бесѣду за стаканомъ коктейля — одного изъ самыхъ невинныхъ средствъ, дающихъ возможность, безъ риска, заглянуть, на короткое мгновеніе, въ Безконечность...

Пароходъ оборудованъ по послѣднему слову комфорта.

Это настоящій плавучій дворець, заставляющій забывать, что фундаментомъ является не гранитъ, а по меньшей мѣрѣ четыре версты зыбкаго водяного пространства.

Роскошныя залы, залитыя электрическимъ свѣтомъ, табль доть класса «экстра», въ котормъ богатство отдѣлки соперничаетъ съ тонкими костями французской кухни, гостиныя въ стилѣ модернъ и дамскіе будуары въ стилѣ барокко, залы для симфоническихъ концертовъ и танцевъ, бильярдная комната, курительная, читальная, наконецъ, уютный клубъ для любителей игры въ поккеръ и трантъ э карантъ»

все это услужливо предоставляетъ своимъ клиентамъ пароходное общество «Мессажери Маритимъ», въ обмѣнъ на извѣстное количество банковскихъ чековъ или полноцѣнной валюты...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопросъ о предстоящемъ брачномъ союзѣ вывалъ у меня съ Барбъ рядъ продолжительныхъ обсуждений.

День свадьбы отложенъ по многимъ соображеніямъ. Во первыхъ, еще не прошелъ срокъ установленнаго траура со дня кончины мосье Шабо. Какъ религіозная женщина и вѣрная дочь католической церкви, Барбъ считала священной обязанностью отдать усопшему послѣдній долгъ.

Во вторыхъ, въ ходѣ моей болѣзни произошелъ неожиданный рецидивъ въ сторону ухудшенія. Онъ не представлялъ серьезной опасности. Но въ теченіе болѣе нежели мѣсяца я испытывалъ ослабленіе сердечной дѣятельности и долженъ былъ пользоваться абсолютнымъ покоемъ.

Наконецъ, съ кончиной патрона, Барбъ дѣлалась наследницей всего состоянія. Она становилась во главѣ фирмы, въ качествѣ главнаго директора-распорядителя. Все это предстояло оформить и закрыть.

Этотъ процессуальный вопросъ требовалъ времени. Изъ побужденій деликатнаго свойства, а главнымъ образомъ, по причинѣ болѣзни, я не принималъ въ немъ никакого участія. Юриконсулъ фирмы и Барбъ вели его не-

посредственно сами. Я же, то лежа въ креслѣ въ своемъ кабинетѣ, то сидя въ саду виллы, всецѣло былъ поглощенъ планами предстоявшаго путешествія...

Итакъ, мѣсяцъ тому назадъ, я покинулъ больницу святого Франциска Ассизскаго. Моя карта не оказалась битой. Исключительная крѣпость натуры, въ связи съ обстоятельствами, которыя могутъ быть названы только чудомъ, воскресили меня изъ мертвыхъ.

Но я воскресъ и въ духовномъ смыслѣ.

Я хочу этимъ сказать, что всѣ сомнѣнія, убійственныя предположенія, невыразимыя душевныя муки, приведшія меня къ трагическому рѣшенію, въ настоящее время не существуютъ. Это былъ лишь кошмарный сонъ, который разсѣялся и исчезъ, одновременно съ моимъ выадорвленіемъ.

Между мною и Барбъ установился родъ молчаливаго соглашенія. Все то, что въ той или иной степени способно растравить сердечныя раны, вычеркнуто твердой рукой. Я щажу самолюбіе Барбъ. Ни одного слова упрека не срывается съ моихъ устъ. Барбъ отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же.

Ей извѣстно, что въ роковой день двадцать пятаго іюня, между мной и масье Этьенномъ Шабо произошелъ разговоръ, послѣ котораго патранъ былъ найденъ въ своемъ кабинетѣ скончавшимся отъ разрыва сердца, а я—съ огнестрѣльной раной въ груди, въ номерѣ «Первоклассной русской гостиницы», на Бэбблингъ-Родѣ.

Вотъ и все. Остальное остается въ области предположеній. Эти предположенія, несомнѣнно, волнуютъ Барбъ. Она пытается разобраться въ комбинаціи фактовъ, столь тѣсно связанныхъ между собой, открыть ихъ при